

близительно в том возрасте, в каком встретился ему потом Дмитревский, Лессинг написал в 1753 г. в одной из рецензий. «Самая благородная цель занятий человека есть человек».²⁵ Отсюда — стремление к «простоте», т. е. к искренности выражения образа на сцене. «Дмитревский, не следуя в игре своей заблуждению века, отыскивал стихи для выражения представляемого характера в глубине души своей, в тайнике чувства, в движении страсти. .»²⁶

Комедии Ж.-Ф. Реньяра, Ф.-Н. Дегуша, Л. Хольберга и, разумеется, Мольера, драмы Ж.-Б. Грессе, а затем и Д. Дидро, театр Вольтера, а затем и Шекспира — это лишь некоторые составляющие театрального репертуара, общего для России и для немецких земель в середине и второй половине XVIII в., притом что на национальных сценах расширялся круг отечественных пьес. Но направление развития было, повторяем, общим — в «глубины сердца человеческого», как напишет вскоре Н. М. Карамзин в предисловии к своему переводу трагедии Лессинга «Эмилия Галотти».²⁷

Исторически эта тенденция развития театра проявилась, как известно, сначала в «слезной» комедии, затем в «мещанской», или бюргерской («буржуазной»), драме, отвечающей запросам третьего сословия, и затем в шекспировской драматургии на немецкой и русской сценах. Но дело заключалось даже не в смене и эволюции жанров (они изменчивы и могут возвращаться на сцену в новые эпохи), а в выработке нового взгляда на театр. От *развлечения* и *поучения* драматургия шла к *изображению жизни*; барочная формула «жизнь есть театр» переворачивалась наоборот: «театр есть жизнь или почти жизнь». На этом пути Дмитревский и Лессинг работали как единомышленники.

Какие бы различия ни отделяли историю театра в России от истории немецкого театра в век Просвещения, их связывал единый процесс. Его можно еще определить как *психологизацию* сценических характеров и положений, превращение условных театральных масок-личин в *личности* с более или менее индивидуальной судьбой. Беремся поэтому с полной уверенностью утверждать, что во время своей короткой встречи Дмитревский и Лессинг нашли общий язык.

---

²⁵ Lessing G E Samtliche Schriften Bd 5 (1890) S 193

²⁶ Кони А Ф Иван Афанасьевич Дмитревский С 91 Примечательно употребление понятия «стихия» по отношению к таланту Дмитревского — свидетельство восприятия естественности в его игре

²⁷ См Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях, соч г Лессинга / Пер. с нем М., 1788 С 3